

УДК 831.161.09

*А.В. Игнатова***ФУНКЦИИ БЫЛИЧКИ В РОМАНЕ С. КЛЫЧКОВА «ЧЕРТУХИНСКИЙ БАЛАКИРЬ»**

В статье поставлен вопрос о фольклорной составляющей романа С. Клычкова «Чертухинский балакирь». Автор относился к литературному направлению новокрестьянских писателей, обогативших в 1920-годы книжную литературную традицию устнопоэтической. Последняя основывалась на космогоническом мифотворческом сознании, проявленном в фольклоре. Поэтому в романном тексте С. Клычкова активно используются малые жанры устно-поэтической прозы. Наибольшим текстопорождающим потенциалом для писателя обладает жанр былички. Он выполняет в произведении сюжетообразующую и субъектно-характерологическую функции. Прежде, чем описать их, необходимо было охарактеризовать сам используемый фольклорный жанр, который пока еще не получил однозначного истолкования в науке.

Ключевые слова: С. Клычков, «Чертухинский балакирь», роман, быличка, субъектно-характерологическая и сюжетообразующая функции.

Роман С. Клычкова «Чертухинский балакирь» (1926) невозможно рассматривать без обращения к фольклорным сюжетам, образам, жанрам. Стремление отразить крестьянское мироотношение, причем воссоздать его в архаических поэтических формах, заставило автора обратиться к фольклорному сознанию, к народным традициям и устно-поэтическим жанрам.

Роман «Чертухинский балакирь», если рассматривать его с точки зрения системно-субъектной организации, рамочно «приписан» рассказчику, жителю села Чертухино. Примечательно в этом смысле начало произведения: «Не знаю, с кого начать, с чего начать!.. Садитесь, друзья мои, садитесь, товарищи, родня и знакомыши, не войдет всё Чертухино – тесно у меня в избе, зато широко у хозяина сердце!.. Буду я глядеть на вас с печки брюхатой, вспоминать всю нашу судьбу...» [5. С. 7]. К рассказчику в избу приходят односельчане, и хозяин «с печки брюхатой» начинает рассказывать... Формально весь роман – это рассказ чертухинского мужика. Так о чем же мог рассказывать крестьянин, если рассматривать это повествование сквозь призму традиционной системы жанров русской народной прозы?

Устная проза традиционно делится на сказочную и несказочную. К устной несказочной прозе, наряду с легендами и преданиями, относится быличка. Еще Н. Е. Ончуков в предисловии к своему сборнику «Северные сказки» (1908) писал: «есть рассказы из области чудесного, преимущественно касающиеся верований в невидимый мир злых или безразличных к человеку духов, чертей, леших, водяных и пр. Рассказчики выдают их также за несомненно истинные происшествия. Все эти рассказы касаются местной жизни, а действующими лицами в них являются или сами рассказчики <...> или же рассказчики слышали описание происшествий от своих близких родных, однодеревенцев и хороших знакомых...» [7. Кн. 1. С. 17]. Несмотря на достаточную изученность данного жанра, в фольклористике до сих пор существует терминологическая и типологическая неопределенность в отношении к подобного рода текстам. Так, рассказы о нечистой силе в трудах ученых именуется быличками, бывальщинами, демонологическими рассказами, мифологическими рассказами, суеверными нарративами, суеверными меморатами и фабулатами и т.д. В своей статье под «быличкой» мы будем понимать устный рассказ о столкновении человека с существами низшей мифологии (нечистая сила) и демонологическими проявлениями потустороннего мира.

Жанровая модель былички характеризуется следующими признаками:

- *Установка на достоверность.* В отличие от сказок, где проявляется установка на вымысел, в основе произведений несказочной прозы лежит установка на достоверность – все, что рассказывается, воспринимается как бывшее в действительности. Ключевую роль здесь играет именно отношение рассказчика и слушателя к изображаемому – несмотря на присутствие в сюжетах сверхъестественных существ (домовых, леших, покойников), событие осмысливается как реальный факт.

- *Основа былички – встреча человека с потусторонними силами.* «Быличка повествует о неожиданном контакте героя и антагониста: о вторжении антагониста в реальный мир или о перенесении героя в «антимир» [2]. Таким образом, здесь действуют персонажи двух типов: человек – представитель «мира» и фантастический персонаж (антагонист) – представитель «антимира». Мифологи-

ческий персонаж – наиболее устойчивый элемент быличек. Вокруг него, как правило, и происходит циклизация суеверных рассказов. Традиционно выделяются следующие группы быличек: о духах природы (леших, водяных и т.д.); о домашних духах (домовых, банниках и т.д.); о черте, змее, проклятых [1]; о колдунах, ведьмах, покойниках; о кладках; о вестниках судьбы, предзнаменованиях; о небесных силах [3].

• *Функция былички – прежде всего информативная.* В отличие от сказок, имеющих развлекательную и дидактическую функции, несказочная проза характеризуется прикладным характером – она источник информации. В быличках «страшная история» не только информирует о случае, который произошел с рассказчиком или знакомым, но и транслирует комплекс народных верований, описывает «регламент общения» с потусторонним миром, знакомит с табу и способами защиты от нечистой силы. Информативная функция дополняется дидактической (предостережение, назидание), которая реализуется, прежде всего, через эмоциональное воздействие, через «страх» (рассказчик вольно или невольно стремится напугать слушателя, что проявляется в том числе и в интонации рассказывания).

• *Реальный хронотоп.* В отличие от сказки, которой свойственны условные время и пространство (в классическом варианте волшебной сказки – «В тридевяти царстве, в тридесятом государстве жили-были...»), «не-сказки» приурочены к реальным времени и местности. В быличках, как писал Е. Н. Ончуков, «все случаи касаются местности, где живет рассказчик; действуют в них лица, известные всей деревне, и происшествия, в них рассказанные, могут удостоверить все жители данной местности» [7. Кн. 1. С. 17]. Поэтому в суеверных рассказах мы можем встретить реальные географические названия, имена реальных лиц.

• *Одномотивные сюжеты.* Былички – это тексты небольшого объема. Сюжеты классического несказочного нарратива одномотивны, но могут рассказываться как кратко, так и развернуто, в зависимости от речевой манеры и исполнительского таланта рассказчика. Стремление рассказать красочно, развлечь слушателя может вести к усложнению композиции, привлечению приемов художественных жанров (например, сказки). Информативная функция в этом случае дополняется эстетической. Усложнение сюжета может спровоцировать переход нарратива из мемората в фабулат, а в дальнейшем, при ослаблении установки на достоверность, в сказку. Часто рассказывание одной былички влечет за собой цепь аналогичных рассказов, так как «содержание былички, в отличие от сказки, не исчерпывается рассказанным, не ограничивается рамками одного сюжета, а выплещивается за их пределы, настраивая слушателей на восприятие дальнейших впечатлений от неизвестного, таинственного и страшного мира» [8. С. 20].

• *Свидетельство очевидца.* Быличка рассказывает о недавно прошедшем, в отличие, например, от преданий и легенд. Для доказательства реальности сверхъестественного, чудесного события рассказчик часто ссылается на свидетельства очевидца. Это может быть сам рассказчик, или его знакомый, или знакомый знакомого. Важно, не кто этот свидетель, важен факт наличия свидетеля, способного подтвердить достоверность происшествия (например, «Мужик Кузьмин рассказывал мне и божился...»).

• *Меморат и фабулат.* Вслед за Э. В. Померанцевой [8] в фольклористике принято выделять два типа суеверных нарративов в зависимости от формы повествования: меморат и фабулат. Суеверный меморат – устный рассказ, передающий информацию о событиях в виде воспоминаний рассказчика (тип «Пошел я как-то в лес...»). Суеверный фабулат – устный рассказ, утративший характер воспоминаний участника-очевидца и представляющий собой сюжетное повествование от 3-го лица (тип «Пошел как-то мужик в лес...»).

• *Отсутствие специальных стилизованных канонических формул.* В быличках, как и в других жанрах несказочной прозы, отсутствуют специальные формулы, определяющие начало, конец рассказа, движение повествования. (Ср. в сказке: различные сказочные формулы, присказки, т.е. троекратное повторение эпизодов, клишированные описания схожих ситуаций и т.д.). Маркерами, позволяющими выделить нарративы из потока речи, становятся самые общие фразы: «А вот случай со мной был...», «Сосед мне рассказывал...», «Вот в нашей деревне у одного мужика...» и т.д. «Случаи из жизни» не воспринимаются рассказчиком и слушателями как художественные произведения, требующие особого таланта и артистических особенностей (ср.: особое отношение в народе к сказочникам, сказителям, песельникам).

• *Приемы нагнетания таинственности.* Таинственность содержания определяет многие детали повествования в быличках. Так, Э. В. Померанцева отмечает такой композиционный прием, как внезапный поворот сюжета: после одной-двух вводных фраз словом «вдруг» или интонацией, передаю-

щей неожиданность, начинается кульминация повествования. Зловещее содержание диктует соответствующее описание обстановки – мрачный пейзаж, заброшенные и пустынные места, темное время суток. Портрет демонического существа часто нарочито неопределенен или построен на каком-то одном признаке: что-то захохотало, загремело, прикоснулся лохматой лапой, кто-то косматый стоит и т. д. С другой стороны, подобное именование и описание мифологических персонажей может быть объяснено традицией табуирования, например, запретом называния нечистого по имени.

• *Возможный трагический финал.* Взаимодействие с потусторонним миром, незнание «правил» общения с ним, нарушение запретов могут привести к трагическим последствиям. Поэтому для жанра былички не всегда характерен счастливый исход; после встречи с лешим, водяным, русалкой человек начинает чахнуть, пропадает или даже гибнет – и это усиливает воздействующую функцию «страшных историй».

Итак, в фольклорном сознании комплекс верований в демонологических персонажей и встреча человека с проявлениями потусторонних сил транслируются через такой тип текста, который в системе жанров русского фольклора определяется как «быличка».

Начало романа С. Клычкова, моделируя ситуацию рассказывания, апеллирует к фольклорным жанрам устной народной прозы несказочного характера – рассказ о прошлом села Чертухина («Буду я глядеть на вас с печки брюхатой, вспоминать всю нашу судьбу...» [5. С. 7]) Объектом внимания рассказчика становится не очень давнее прошлое: «Лет, может, тридцать, а то и поболее...» [5. С. 8]. Первичный субъект речи – очевидец происшедших событий. В традициях суеверного мемората он вспоминает о чудесном случае, произошедшем с односельчанином-чертухинцем. События разворачиваются в реальном для слушателей пространстве, локально приуроченном к их родным местам – деревнях Чертухино, Гусёнки, Чагодуй, на реке Дубна. Фабульно роман представляет собой историю женитьбы Петра Кирилыча на дочке мельника, где сватом выступает персонаж низшей мифологии – леший Антюттик, обещавший женить главного героя на «дубенской девке». В произведении обнаруживаются и другие жанровые признаки былички. Несмотря на фантастичность образов, в тексте постоянно подчеркивается установка на достоверность со ссылкой на очевидца: «Что правда, то правда, что Петру Кирилычу можно верить только с оглядкой, потому что Пётр Кирилыч любил погибать через каждое слово, но дело-то в том, что и мы не стали бы верить, если б самый их главный леший Антюттик не был у Петра Кирилыча сватом!.. Тут уж никак нельзя не поверить, потому что у нас в Чертухине живы и посейчас старики, которые у Петра Кирилыча были на свадьбе и могут обо всём рассказать, если только сами ещё чего не прикрасят. Случилось это всё так...» [5. С. 15]. Таким образом, в парадигме фольклорного текста роман отсылает нас прежде всего к жанру быличек о лешем.

Жанр былички обладает для автора большим потенциалом. Во-первых, это источник традиционных фольклорных мотивов и образов. Во-вторых, быличка – жанр, содержащий и транслирующий комплекс народных верований, восходящих к мифологическим языческим временам. Это жанр, позволяющий автору оперировать сказовым словом, характеризующим речевую манеру рассказчика. Не имея жестких стилевых канонов, данный жанр требует от говорящего эмоционального воздействия на слушателя. Быличка транслирует и особое восприятие фольклорным сознанием мира – умение видеть проявление иномирного в повседневной реальности. Таким образом, жанр былички как нельзя лучше отвечает авторским задачам С. Клычкова. В данной статье мы остановимся только на двух функциях былички в системе романа «Чертухинский балакирь»: сюжетообразующей и субъектно-характерологической.

Центральную сюжетную линию романа, как было сказано выше, составляет женитьба Петра Кирилыча, где сватом выступает леший Антюттик. Тот обещает женить Петра на «дубенской девке» (русалке), а вместо неё показывает купающуюся Феколку, дочку мельника Спиридона. В результате подмен Петр Кирилыч женится на второй дочке мельника – некрасивой Маше Непромыхе. Колдунья-бобылка Ульяна, полюбившая Петра Кирилыча, дает Маше корешок, от которого невеста становится как мертвая, и ее хоронят. После раскрытия обмана Спиридон выкрадывает спящую Машу с кладбища, а Ульяну изгоняет. В развязке романа загорается мельница, сгорает мельник и Маша, а Петр Кирилыч, словно обезумев, бросается бежать в лес (тут сразу же обратим внимание на наличие трагического исхода, свойственного быличке). Центральную сюжетную линию осложняют различные побочные ветви (например, описание того, как Спиридон и Андрей веру искали), лирические отступления рассказчика и различные упоминания о «случаях» в виде «рассказа в рассказе» и т.д.

Как видим, сюжетную основу романа составляет комплекс мотивов народных быличек, прежде всего о лешем и нечистой силе. Обращение С. Клычкова к быличкам о леших не случайно. Образ леса вообще играет в системе творчества автора большую роль. В своей «Автобиографии» Клычков пишет: «языком обязан лесной бабке Авдотье, речистой матке Фекле Алексеевне и нередко мудрому в своих косноязычных построениях отцу моему (...), а больше всего нашему полю за околицей и Чертухинскому лесу, в малиннике которого меня мать скинула, спутавши по молодости сроки (...) Лес у нас в ту пору стоял почти у окон заповедный, мимо крыльца лоси ходили в метели, в лесу водилась разная диковина, и вообще было все, если теперь вспомнить, как выдуманное...» [6. С. 6-7]. Так, лес с детства символически вошел в жизнь Клычкова. В романе «Чертухинский балакирь» традиционные мотивы о лесе и лесном хозяине составляют наиболее значимый блок фольклорных мотивов: оборотничество лешего – может принимать любой образ, человека (старика), зверя, пня («...ночью нам даден зарок – войти в любой образ, хошь в овечий, хошь в человечесий...» [5. С. 27]); рождение лешего из дерева, в которое ударила молния; звуки, которые производит леший, – гукает, хохочет, кричит особому («...гукнул ещё раз так, что ели пригнулись над головой Петра Кирилыча (...) – Вот он как леший кричит... Ррррррях! – прошептал Пётр Кирилыч...» [5. С. 28]); лесной хозяин перегоняет зверей с места на место («Только на Антютиковой тропе и по сию пору растут один белоус да костырь, как щетина, потому много позднее прогнал Антютик по этой тропе всех больших зверей из нашего леса – куда, неизвестно!» [5. С. 22]) и т. д. Имя Анчутка («Зовут, – говорит, – меня мужики Антютик, а бабы Анчутка ...» [5. С. 23]) обнаруживается в диалектных словарях разных регионов в значении «черт», «бес», «чертенок», а также «водяной», «леший», «домовой»; во фразеологизме «анчутка беспятый» как общее обозначение нечистой силы (см., напр.: [9. Вып. 1. С. 262-263]). Сам же сюжет, где леший выступает сватом не отмечен отдельно в классических указателях мотивов быличек, однако встречаются мотивы, связанные с лешим-кумом. У Э.В. Померанцевой мы обнаруживаем пример бывальщины «...о парне, за которого из-за его бранчливой матери никто не хотел выходить замуж; леший выдает за него дочь, которая оказывается проклятой дочерью купца» [8. С. 42]. Обратим внимание, что Дубравна, дубенская водяная «царица», в романе тоже оказывается дочерью Антютика. Заканчивая общую характеристику блока мотивов о лешем, заметим, что, несмотря на присутствие мотива «обмана», связанного с Антютиком, леший в мире Клычкова выступает не как нечистая сила, враждебная человеку (это более поздняя трактовка мифологических персонажей в русле борьбы церкви с язычеством), а как хозяин места, образ, восходящий к ранним анимистическим представлениям, где природа одушевлена и каждое место имеет антропоморфного духа-хозяина, относящегося к людям в зависимости от выполнения ими правил и табу, касающихся данного места. Таким образом, Клычков поднимает более ранний пласт верований. Комплекс мотивов о лешем дополняется в романе сюжетами быличек о колдуньях, русалках, мельнике, водящем дружбу с потусторонними силами, возвращающихся покойниках и т.д.

В данной статье мы не ставим целью подробно рассмотреть все традиционные мотивы быличек, использованные Клычковым в романе «Чертухинский балакирь», важно подчеркнуть сюжетобразующую функцию данного жанра. Здесь нужно сделать еще одно замечание. Клычков никогда не заимствовал фольклорные мотивы и образы механистически. При существовании некоторой доли «цитации» фольклорных текстов (пословицы, лирические и хороводные песни) фольклоризм произведений Клычкова всегда творческий. На основе фольклорных мотивов Клычков творит свою авторскую мифологию, особо уделяя внимание развитию и трансформации наиболее архаических пластов русского фольклора, смешивая их со староверскими культурологемами (С. Клычков родился в семье старообрядцев) и авторской космогонией – не случайно прозу С. Клычкова часто называют «неомифологической». Детальный анализ механизмов трансформации и соотношения традиционно-фольклорного и индивидуально-авторского в образах и мотивах романа «Чертухинский балакирь» должен стать предметом отдельного исследования; в данной статье мы ставили задачу лишь обозначить сюжетопорождающую функцию былички.

Другая немаловажная роль былички заключается в ее субъектно-характерологической функции. Прежде всего, она дает дополнительный способ охарактеризовать рассказчика суеверного нарратива – чертухинского мужика, которому приписан текст романа-«былички». Для прозы Клычкова значимым является сказовое слово, первичным субъектом речи в его романах является крестьянин. Здесь оказывается важной как социальная характеристика, отражающая представление о «мужицком укладе» жизни, так и речевая, «словопорождающая». Образ мышления, стоящий за сказовой формой повествователя у

Клычкова, это всегда фольклорное сознание, существующее в системе устно-поэтического творчества и манифестирующее память фольклорных жанров – в данном случае жанра былички.

Интересно в этом плане рассмотреть название романа «Чертухинский балакирь». Очевидно, что заглавие произведения связано с главным героем романа – Петром Кирилычем, именно его неоднократно прозывают «балакирем». Слово «балакирь» в русском языке имеет несколько значений: 1. Болтун, говорун; веселый рассказчик, остролов, балагур; 2. Врун, обманщик, плут (см., напр., «Словарь живого великорусского языка» В. Даля или «Словарь русских народных говоров» [9. Вып. 2. С. 69-70]. В романе актуализируются все эти значения. Петр Кирилыч, с одной стороны, славится тем, что он лентяй, занят пустой болтовней, несерьезный человек («Эх ты, балакирь!.. Валтреп Иваныч!.. – пропела укоризненно Мавра под самый нос Петру Кирилычу. – У какого воробья, и у того есть дело, а ты вот сидишь да за ложкой потеешь!..» [5. С. 12]); небылицы плетет, врет («← Наш чертухинский балакирь // Распустил с полатей враки!» [5. С. 18], «тебе и так ни в чём не поверят... скажут: балакирь» [5. С. 23]). С другой стороны, он – мастер рассказа, балагур, а главное, обладает даром увидеть чудесное в повседневном, что дано не всякому: «...сказать что-либо про Петра Кирилыча трудно, потому что и сам он в меру любил погибать, сиречь – речь говорится – приврать, и всё так повернуть, что можно было дивиться, а не поверить нельзя!.. На то и прозывался: балакирь!..» [5. С. 8], «...памятен был не на людей, а на побалачки и прибаутки, отчего и прозывался: балакирь!..», «...чертухинский враль, Пётр Кирилыч по фамилии Пенкин, у которого всё в жизни было так же, как и у всех, только ему всё казалось иначе, как может, никогда и ни у кого не бывает, отчего мужик часто, для себя самого невдомёк, завирался. Да и то надо сказать: иной проходит по лесу весь день, а и ёлки хорошо не увидит, и ничего с ним в лесу не случится... Скушно у нас теперь без Петра Кирилыча стало!..» [5. С. 8].

Итак, семантика названия романа связана с прозвищем главного героя. Однако есть и второй пласт. Чертухинским балакирем выступает и сам рассказчик – ему присущи умение рассказывать, балагурить, он ловко «брешет разные истории». К нему в избу приходят односельчане, чтобы послушать истории. Различные лирические отступления, которыми изобилует роман, характеризуют рассказчика как человека с даром видеть окружающий мир по-особому – оживающая природа, образный язык, мышление по аналогиям (изобилие образных сравнений и метафор), речь его пересыпана прибаутками, «побалачками». Он обладает поэтическим восприятием окружающего мира, и не про него сказано, что «и елки хорошо не увидит». Так, название романа отсылает нас и к самому рассказчику. И в этом смысле рассказывание быличек – это отражение восприятия мира балакиря, когда фантастическое просвечивает сквозь реальное, а граница между небылицей и бьюлю, на которой находится быличка, оказывается проницаема и легко пересекаема – так, что можно «дивиться, а не поверить нельзя».

Через быличку в романе отражается и отношение рассказчика к современности. Сожаление об утраченных ценностях прошлого проецируется через образы былички. «Теперь у нас в леших не верят, да и леших самих не стало в лесу... потому, должно быть, их и не стало, что в них больше не верят. А было время – и лешие были, и лес был такой, что только в нём лешим и жить, и ягоды было много в лесу, хоть объешься, и зверья всякого-разного как из плетуха насыпано, и птица такая водилась, какая теперь только в сказках да на картинках, и верили в них и жили, ей-богу, не хуже, чем теперь живут мужики» [5. С. 14]; «Так вот, по-вашему, по-молодому, выходит: теперь леших нет! Мы с этим очень даже согласны, но также правда и то, что лешие были! Как тут ни верти, уж были!..» [5. С. 15].

Примечательно, что судьба реального жанра суеверного мемората повторяется в романе. Уже в конце XIX века, как отмечают исследователи, былички утрачивают установку на достоверность и всё чаще воспринимаются как небылицы или рассказываются как пародийные, шуточные, разоблачающие истории. В работе Э.В. Померанцевой читаем: ««Было время, годов 20 или 30 тому назад, не проходило ни одной ночи, чтобы не помстился леший. <...> А ныне его совсем даже не слышать, если и случится, то совсем редко и то перед каким-нибудь несчастьем!» [8. С. 47] или «Перевелась ныне эта погань, – замечает информатор из Пензенской губернии, – вот деды рассказывают что в те поры, когда и лесов было больше и болот с трясинами, так и не ходи лучше ночью в лес, повстречает тебя дрянь-то, да и все тут» (там же). Так, через отношение к правдивости былички старика-рассказчика и молодых слушателей актуализируется очень важная для Клычкова идея утраченного «мужицкого рая», «сорочьего царства».

Фольклорный жанр былички наиболее точно соответствует творческому методу автора романа «Чертухински балакирь». К. Кислицын, отмечая близость поэтики прозы Клычкова магическому реализму, обозначает прежде всего такую черту, свойственную данному направлению, как: «наличие

двойной реальности: первичной и скрытой; их сосуществование и взаимопроникновение. Совмещение фантастического и обыденного. Стремясь в целом сохранить верность принципу жизнеподобия, писатели магического реализма вводят в повествование мотив чудесного <...> Магический реализм <...> стремится разрушить демаркационную линию между тем, что казалось реальностью, и тем, что казалось фантастическим, ибо “в мире этого барьера не существует”» [4. С. 87-88]. Память жанра позволяет быличке воплощать в романе «Чертухинский балакирь» это просвечивание иномирного в повседневном, определяя функционирование фольклорного суеверного рассказа на разных уровнях текста – от мотивно-сюжетного до системно-субъектного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазян С.Г. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. С. 162-181.
2. Ефимова Е.С. Основные мотивы русских быличек (Опыт классификации) // Сайт Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/efimova7htm>. (дата обращения: 30.07.2015).
3. Зиновьев В.П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск, 1985. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/zinoviev1.htm> (дата обращения: 30.07.2015).
4. Кислицын К. Поэтика магического реализма в прозе С.А. Клычкова // Сергей Антонович Клычков. исследования и материалы. 1889–1937. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2011. С. 87-94.
5. Клычков С.А. Чертухинский балакирь // Сергей Клычков. Собр. соч.: в 2 т. М., 2000. Т. 2. Проза. С. 7-212.
6. Клычков С. Чертухинский балакирь: романы / сост., послесл. и примеч. Н. Солнцевой. М.: Сов. писатель, 1988. 685 с.
7. Северные сказки: сб. Н.Е. Ончукова: в 2 кн. / Николай Евгеньевич Ончуков. СПб.: Тропа Троянова, 1998.
8. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 194 с.
9. Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин. Вып. 1, 2. М.; Л.: Наука, 1965, 1966.

Поступила в редакцию 20.08.15

A.V. Ignatova

FUNCTIONS OF A MEMORAT IN THE NOVEL OF KLYCHKOV “CHERTUKHINSKI BALAKIR”

The article raises the question of folklore part of the novel S. Klychkov ‘Chertukhinski balakir’. Klychkov belonged to the literary direction ‘novokrest'yanskies (new-peasant) writers’, who enriched the book literary tradition by oral poetry in 1920s. The latter was based on the cosmogonic myth-making consciousness, manifested in folklore. Therefore, in the text of Klychkov’s novel small genres of oral poetic prose were actively used. Bylichka (memorat) had the greatest potential for the writer. It performs the subject-character and plot-generating functions in a work. First of all, it was necessary to characterize the folk genre ‘bylichka’ which had no unique scientific interpretation yet.

Keywords: S. Klychkov, “Chertukhinski balakir”, novel, bylichka, subject-character function and plot-generating function.

Игнатова Анастасия Вячеславовна,
старший преподаватель
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: ignatova.a.v@gmail.com

Ignatova A.V., Senior lecturer
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1/2
E-mail: ignatova.a.v@gmail.com